

УДК: 165.0+1:316

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-3-12-22

**НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА**© **Тутубалин Виталий Александрович**

ассистент,

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в

E-mail: tutvit79@mail.ru

В статье рассмотрен ряд перспективных направлений применения когнитивно-эволюционных моделей и метафор в социально-философском знании, предложена кибернетическая модель социальной онтологии и связанная с ней эвристическая стратификация когнитивной эволюции. Обозначены векторы их дальнейшей детализации в исследовании социально-философских проблем. Элементы эвристической стратификации когнитивной эволюции представлены как система взаимосвязанных категорий. В качестве ее каркаса используется близкая онтологическим допущениям «цифровой философии» метафора структурной модели вычислительного процесса (сравнение важнейших феноменов когнитивной эволюции с элементами архитектуры вычислительных систем). Этот подход представляется возможным применить и для исследования внутренней структуры этих феноменов. Социально-онтологические категории выведены как отражение моментов предшествующей когнитивной эволюции. Внимание обращено также и на возможные негативные последствия гипостазирования этих категорий.

Ключевые слова: эпистемология; универсальный эволюционизм; когнитивная эволюция; кибернетика; компьютерная метафора; цифровая философия; системный подход; онтологическая эвристика; социальная онтология; технологический поворот.

Интеграция современного эпистемического пространства имеет очевидный социально-экологический смысл, заключающийся в эффективном совместном использовании внутренних резервов различных эпистемологических направлений. Это предполагает, прежде всего, «инвентаризацию» теоретико-познавательного достояния человечества, без которой невозможно выработать общезначимые принципы диалога, разговорные максимы.

Онтогносеологическим инструментарием такой пересборки элементов предметной области, новой тематизации и методологии социально-философского знания может стать когнитивно-эволюционный подход — синтез теоретико-эволюционных максим и компьютерной метафоры. Идея именно такого синтеза в исследовании феномена когнитивной эволюции в общей парадигме эволюционной эпистемологии высказывалась, например, И. П. Меркуловым [8, с. 10]; ее эвристический характер предполагает широкий спектр философских теорий когнитивной эволюции, где, скажем, «эпистемологический эволюционизм» К. Р. Поппера является лишь одним из вариантов.

Социально-философские аспекты когнитивной эволюции различным образом исследованы в рамках концепции универсального эволюционизма, синергетики, концепции мегаистории и клиодинамики, теории генно-культурной эволюции, эволюционной и экологической этики, в антитехнократических воззрени-

ях критической теории общества и раннего постструктурализма, в социально-политических экспликациях постгуманизма и трансгуманизма. Среди множества когнитивно-эволюционных аналогий, объяснительная сила которых в исследовании функционирования и развития общества может при условии повышения вероятности выводов таких традитивных умозаключений быть достаточной для получения нового знания о человеке, обществе, культуре и истории, следует отметить комплекс метафор:

- *эволюционные*:
- исходная органическая;
- собственно селективная;
- популяционно-генетическая;
- экологическая;
- *кибернетические*:
- абстрактная модель вычислительного процесса (машины Тьюринга и Поста — бесконечные автоматы с неограниченной памятью, абстрактные исполнители алгоритмов, в т. ч. эволюционных (включая генетические); «рансcomputationalism» в широком смысле [17, р. 3]; «цифровая философия» [19]);
- структурная модель вычислительного процесса (принстонская и гарвардская архитектуры вычислительных систем, таксономия Флинна);
- абстрактная модель автомата (конечные автоматы Мили и Мура и их обобщения);
- структурная модель автомата (конечные автоматы Мили и Мура и их обобщения с учетом автоматного времени);
- модель сети взвешенных сумматоров (нейронов), а также метафора компьютерной сети, сетевых уровней, топологий и протоколов — коннективизм (коннекционизм);
- метафора аппаратного (технического) и программного обеспечения (системного и прикладного), интерфейса в широком смысле, каскада интерфейсов прикладных программ;
- метафора компьютерной программы (применительно к дискурсу отдельных социальных и эпистемических практик);
- метафора жизненного цикла программного обеспечения, абстрактного проекта, паттернов проектирования и абстрактного языка моделирования (без учета полноты по Тьюрингу, например UML);
- метафора формального языка, машинного языка, трансляции, языка программирования и парадигм программирования (применительно ко всему социальному и эпистемическому пространству);
- метафора межпрограммного (межпоточкового и межпроцессного) и межпроцессорного взаимодействия.

Данные модели сами могут быть использованы и в репрезентации перекрестным образом предметной основы друг друга и истории своего собственного развития, реализуя тем самым принцип возвышения теоретических моделей в ранг методологических [12, с. 77], а в применении к социально-философскому знанию — отражать кросс-дисциплинарный характер такого взаимообусловливания и взаимообращения методов. Эта общая установка, а также масса фактического материала предметных областей эволюционной биокибернетики и эволюционной социобиокибернетики, вероятно, позволят реализовать и требование

Р. Мёртона о согласовании макро- и микроуровней теоретического знания об обществе т. н. теориями среднего уровня.

При этом, очевидно, в блоке кибернетических метафор потребуется некоторая внутренняя интеграция — подобно логике объединения теории естественного отбора, популяционной генетики и экологии в рамках целостной синтетической теории эволюции — «современного синтеза» (панорамный обзор современной эволюционной теории с выводом о необходимости выработки для нее нового системного подхода, дан, например, в работе А. В. Суховерхова [9]).

Так, если применение только абстрактной модели вычислительного процесса в исследовании поведения человека и социальных групп ставит вопрос об индивидуальном и коллективном естественном и искусственном интеллекте, мы остаемся в рамках функционального подхода, оставляя в стороне анализ структуры общественного бытия и сознания, и можем сделать лишь общую оценку перспектив технологической сингулярности и «сверхинтеллекта».

Если же мы применим структурную модель вычислительного процесса, то сможем увидеть, как именно осуществляются шаги к такому будущему. Ранее предпринятыми попытками в этом направлении в русле общей парадигмы структурализма, общей теории действия, системного подхода и общей теории систем были, например, описание и объяснение индивидуального и коллективного поведения, сознания и культуры в целом в схемах транзакционного анализа Э. Берна, социально-психологической модели коммуникации Г. Лассуэлла, информационной модели политической системы Д. Истона, структурно-функциональной модели политической системы Г. Алмонда.

Если модели Берна и Лассуэлла просто описывают структуру ролей и транзакций в социальной коммуникации, то в моделях Истона и Алмонда уже присутствует объяснение в терминах потока событий, входных и выходных сигналов, обратных связей, подсистем, обмена с внешней средой. В «кибернетической модели общества» К. Дойча политическая система общества также рассматривается как черный ящик с информационными потоками на входах и выходах. В виртуальной модели политической системы А. В. Чугунова центральная роль принадлежит базовому виртуальному образу политической системы и процессу согласования образа принимаемого решения с этим образом [15]. Фактически целевая составляющая здесь вынесена за пределы блока памяти и ценностей, что вызывает определенные вопросы, но общая тенденция возрастания значимости концепций медиатизации и интериоризации делает данную модель столь же перспективной, например, сколь и теории виртуальной реальности Т. Метцингера, С. Легара и А. Ревонсуо в философии сознания.

Важнейшими этапами в структурно-функциональном синтезе стали модели AGIL Т. Парсонса и AQAL К. Уилбера. В основанной на типологии социального действия М. Вебера схеме Парсонса в социальной системе выделены четыре функциональных блока, размещенных на «осях ориентации» (внутреннее — внешнее, инструментальное — консумматорное). Эти блоки — адаптация (A), целедостижение (G), интеграция (I), поддержание скрытого образца поведения (L). В «интегральном подходе» Уилбера (all quadrants — all levels) ось инструментальное — коллективное заменена осью индивидуальное — коллективное, образуя интенциональный, поведенческий, культурный и социальный блоки, а сама схема применяется уже и как онтогносеологический каркас для типологии предметно-методологических установок различных философских направлений и течений. Так, Уилбер относит философские позиции З. Фрейда к интенциональ-

ному блоку, Б. Скиннера — к поведенческому, Х.-Г. Гадамера — к культурному, а К. Маркса — к социальному [20, р. 10].

В работе [12] также приводится типология эпистемических практик на основе структуры деятельности и научной рациональности, которую можно расширить и в плане метафилософии, и в плане социальной онтологии, используя структурную модель вычислительного процесса. Эта модель есть представление об архитектуре вычислительных систем — основных компонентах любой вычислительной техники: устройстве управления (УУ), устройстве ввода-вывода (УВВ), арифметико-логическом устройстве (АЛУ), запоминающем устройстве (ЗУ). Разместив их по осям разграничения абстрактного и конкретного, аналитического и синтетического, компоненты архитектуры вычислительной системы можно соотнести с ключевыми социально-философскими категориями: общество, человек, культура, история (табл. 1).

Таблица 1

Кибернетическая модель социальной онтологии

Абстрактно-синтетический блок (УУ) Человек (Субъект)	Абстрактно-аналитический блок (АЛУ) История (Средства и методы)
Конкретно-синтетический блок (УВВ) Общество (Объект, интересубъект)	Конкретно-аналитический блок (ЗУ) Культура (Цели и ценности)

Представление об этом внутреннем единстве процессов управления, эволюции и познания, где они могут быть моделью описания и объяснения друг друга, приводит к идее такого междисциплинарного синтеза знания о нем (родственного задаче NBICS-конвергенции), которое могло бы улучшить эвристические возможности когнитивно-эволюционной метафоры и, предположительно, дать импульс развитию и дифференциации единого комплекса предметных областей естественных, технических и социальных наук в ином, редко рассматриваемом в них, взятых по отдельности, направлении. Так, определенные сферы общественного бытия могут быть представлены здесь как вычислительные системы (табл. 2).

Таблица 2

Эвристическая стратификация когнитивной эволюции

	Субъект	Объект	Средства и методы	Цели и ценности
<i>Вычислительная система</i>	УУ	УВВ	АЛУ	ЗУ
Нейро-физиологическая активность	Мотивация	Рефлекторное кольцо	Суммация и интеграция	Коннектом
Психическая деятельность	Конация	Сенсомоторика	Когниция, интеллект	Когнитом, память
Биологическое развитие	Популяция-эдификатор	Адаптивная зона ароморфоza	Эволюция	Мета-интерактом

Экономическая активность	Потребление	Производство	Распределение	Обмен
Политическая деятельность	Партия	Политический режим	Государство	Право
Социальное развитие	Класс-эдификатор	Формация	Революция	Культура

Проводя аналогию между функциональными блоками архитектуры вычислительной системы и компонентами нейрофизиологической активности живого организма, субъектом (устройством управления) такой активности можно назвать ее низкоуровневую потребностно-мотивационную составляющую. Объективной средой ее реализации (устройством ввода-вывода) является рефлекторное кольцо. Инструментальная часть — арифметико-логическое устройство — суммация возбуждения и торможения и интегративная деятельность нейронов. Хранилище целей и ценностей, запоминающее устройство — коннект.

Вторая, наиболее очевидная аналогия, которая исторически связана с появлением в научном дискурсе категории искусственного интеллекта, отражает деятельностный характер и деятельностную структуру психики, элементы которой также можно сопоставить с компонентами архитектуры вычислительной системы.

В качестве субъекта (устройства управления) выступает здесь конативная составляющая психики — вычислительный ансамбль из сознания (доминанты, поддерживающей «вменяемое» интенциональное бодрствование, координирующей внимание и волю), высокоуровневой мотивации (потребностного вектора внимания и воли) и, наконец, эмоций как опорных тактовых импульсов. Объективная сторона психической активности (устройства ввода-вывода) заключается в сенсомоторике (исполнительных векторах внимания и воли поверх афферентации и эфферентации). Инструментальная часть — арифметико-логическое устройство — интеллект, когниция. Тезаурус целей и ценностей — запоминающее устройство, когнитом, память. Эта аналогия может быть распространена далее и на мультисубъект в социальной психологии.

Кибернетика как наука об управлении, связи и переработке информации одним из своих создателей Н. Винером с самого начала распространялась на любые системы, независимо от их материальной природы. Декартовская метафора *bête machine* и *homme machine* Ж. Ламетри нового времени неизбежно обрели предметный статус в созданной Л. Бергаланфи и П. Вайссом в новейшее время теоретической биологии. Физическое объяснение категории эквививальности в общей теории систем Бергаланфи, исследование им изоморфизма законов в различных сегментах научного знания, исследование симметрии природы и природы симметрии в эволюционике Ю. А. Урманцева [13], обобщения теории функциональных систем П. К. Анохина также дают перспективу применения структурной модели вычислительного процесса в эволюционной биологии.

Локальная популяция как элементарная единица эволюции в случае ее статуса как эдификатора экосистемы может быть представлена в качестве устройства управления, субъекта биологического развития. Объективная его сторона (устройство ввода-вывода) — адаптивная зона ароморфоза, аллогенетическое поле в пределах очередной арогенетической ступени. Инструментальная сторона — арифметико-логическое устройство — эволюция, естественный отбор, приводящий в дальнейшем к эпиморфозу (по И. И. Шмальгаузену [16]). Цен-

ностно-целевая составляющая, запоминающее устройство — мета-интеракт популяции (ее геном, протеом и фенотип в широком смысле).

Таким образом, физиологическая активность и психическая деятельность (ее концентрированное выражение) выступают здесь как уровни функционирования, онтогенетические *машины традиции*, не меняющие текущий уровень субъекта эволюционного процесса, в то время как биологическое развитие в целом, выходящее за пределы особи, можно назвать филогенетической *машиной транзycji*, осуществляющей переход к новому субъекту эволюции. В социальном бытии этим слоям соответствуют *традиционные* экономика и политика (концентрированное выражение экономики), а также *транзycyjный* общественно-исторический прогресс. Само социальное бытие является частью траектории общего морфогенетического поля всего эволюционного процесса, элементом универсальной машины мегаистории, своего рода креодом в общесинергетическом понимании (вне контекста использования этого понятия в качестве маркера выбора между синтетической и эпигенетической теориями эволюции).

В экономике субъективное потребление благ как устройство управления осуществляет себя в объективных, интересубъективных условиях производства как устройства ввода-вывода экономической системы. Инструментальную часть, арифметико-логическое устройство представляет здесь распределение, а в роли ценностно-целевой составляющей, запоминающего устройства выступает экономический обмен как ядро социального обмена в широком смысле (в общем для различных трактовок теории социального обмена). Важно отметить, что машинообразный характер отчужденных форм человеческого бытия ранее также был объектом пристального внимания в различных направлениях социальной философии, однако в настоящее время медиатизированный, виртуализирующийся социум получает столь детальное описание уже и в терминах информатики и кибернетики, что его даже можно назвать «технической документацией» на общественный строй [18].

Использование термина «социальная физиология», которым Э. Дюркгейм и М. Мосс обозначали часть социологии, применительно к экономике, а термина «социальная психология» В. Макдугалла и Э. Росса применительно к политике может быть первоначально принято за попытку редукции двух других традиционно выделяемых в социальной философии сфер общественного бытия — социальной и духовной — к экономике и политике. Однако в действительности при таком подходе эти домены предметной области социально-философского знания лишь утрачивают характеристику их как абстрактных сфер, становясь, соответственно, системой уровней и отдельным уровнем в интегральной социобиологической панораме: «социальная сфера», по какой-то причине ранее исключавшая экономику и политику, приобретает здесь универсальный характер, а «духовная сфера» — отчетливые социально-психологические и политологические дескрипции.

В политической деятельности социальным субъектом, устройством управления является партия в широком смысле, сторона политического влияния, агент социального выбора, с неизбежностью участвующий в политике. Объективной стороной, устройством ввода-вывода здесь является политический режим. Инструментальным блоком, арифметико-логическим устройством политического процесса выступает институт государства. Ценностно-целевой компонент политики, ее запоминающее устройство — институт права.

Для характеристики социальной машины транзиции, исторической трансформации общества лучше всего подходит теория общественно-экономических формаций К. Маркса. Субъектом (устройством управления) этого процесса можно назвать социальный класс-эдификатор формации, которая, в свою очередь, представляет из себя комплекс объективных условий развития — устройство ввода-вывода, где люди как часть производительных сил конкретного способа производства, в ходе классовой борьбы обретая классовое сознание, становятся основным источником социального прогресса, оказываются в устройстве управления машины общественной истории. Инструментальная сторона, арифметико-логическое устройство этого процесса — социальная революция. Ценностно-целевая составляющая, запоминающее устройство — культура как тезаурус гегемонии класса-эдификатора.

Последовательное проведение подобных аналогий должно восприниматься скорее как применение онтологической эвристики (по М. Вартофскому [2]), а не как основа для предельно спекулятивного метафизического системотворчества, очередной «мировой схематики». Это немаловажно, т. к. рецепция самой технико-машинной реальности в истории социально-философской мысли различна и зависит от выбранной методологии и онтологии: преимущественно нейтральные констатации — в социально-антропологических исследованиях техник тела М. Моссом, в представлениях о коммуникативных «машинах выживания» Н. Лумана [1], в акторно-сетевой теории, в цифровой философии К. Цузе [22] и С. Вольфрама [21]; критические оценки — в концепции мегамшины Л. Мамфорда, в экзистенциально-феноменологическом понимании техники М. Хайдеггером; явная социально-политическая апология «машин желания» — в шизоанализе Ф. Гваттари и Ж. Делёза; настоящая технолatria — в современных постгуманизме, трансгуманизме, сингулярианстве. А относительный успех технико-машинных метафор часто приводит их авторов к значительному смещению теоретико-познавательных позиций далеко в сторону от репрезентационистской версии теории отражения и корреспондентной теории истины — к радикально-конструктивистской, почти солипсистской эпистемологии (Э. фон Глазерсфельд, У. Матурана, Ф. Варела [14]).

В онтологическом плане присутствие в предложенных схемах категории цели могло бы привести к плюралистической (в духе Г. В. Лейбница) и виталистической (в духе Г. Дриша) интерпретации такой цифровой философии. Однако равноправный статус этой категории в системе «цифрового действия» и ее «эмерджентность» по отношению к схемам более простых автоматов без памяти (фактически — расположение «на другом полюсе» по отношению к субъекту, вторичность по отношению к его стартовой мотивации) не дают повода рассматривать ее в качестве энтелехии, тем самым исключая абсолютный идеализм, телеологию, пантеизм, панентеизм, гилозоизм и гилоноизм.

Такая опасность все же присутствует не только в «цифровой физике» Э. Фредкина, где движению как атрибуту материи предпосылается вычисление; гипостазирование моментов развития материи, например представление мышления в качестве атрибута, а не модуса материи, было характерно и для т. н. гносеологического направления советской философии, несмотря на то, что в философии Б. Спинозы, к которому часто апеллировали «гносеологисты», уже само использование категории модуса наметило тот вектор, который позднее, у Г. В. Ф. Гегеля, означал диалектический синтез субстанции и атрибута, тем самым давая ключ к возможному пониманию мышления, этого «высшего цвета»

материи, как результата такого синтеза: «поскольку развертывание абсолютного начинается с его абсолютного тождества и переходит к атрибуту, а от атрибута к модусу, оно тем самым полностью прошло свои моменты» [3]. У Маркса же, поставившего диалектику Гегеля «с головы на ноги», в качестве субстанции выступает не абсолют, а материя, высшим результатом развития которой как раз и является мышление.

И если атрибутивная концепция информации [11], например, как «отраженного разнообразия» (А. Д. Урсул) во всех формах движения материи, на всех уровнях ее структурной организации еще может прояснить каскад детерминаций в таких феноменах, как противоречие, движение, развитие, самоорганизация, энергия, отражение, управление, жизнь, раздражимость, поведение, деятельность и т. д., то подобный же взгляд на мышление может привести лишь к панлогической или вульгарно-социологической аберрации в учении о продукте высокоорганизованной материи.

Это же можно сказать и о гипостазировании понятия деятельности, когда движение вначале представляется лишь механическим и, вследствие очевидной неудовлетворительности этого, вместо него в качестве фундаментальной философской категории предлагается оперировать антропоцентричным суррогатом, игнорируя не только терминологический материал современной «позитивной» науки (какой бы кризис она ни испытывала), но даже и решения классической философии, например, систему категорий «субстанциальность — причинность — взаимодействие».

Следует еще раз подчеркнуть, что предложенная выше эвристическая стратификация когнитивной эволюции не предписывает подстраивать факты под теорию, а нацелена на поиск общих закономерностей в природе, обществе и мышлении, вызывающих само появление онтологических концепций вроде «цифровой физики». Эта попытка представляется не менее полезной, чем, например, «оцифровка диамата» в «дискретной математической модели логически непротиворечивого формально-аксиологического учения о противоречивости материи», предлагаемая В. О. Лобовиковым [7].

Плодотворность развития социально-философских концепций, опирающихся на онтологические допущения в рамках самого диалектического материализма, подтверждается глубиной и разноплановостью дискуссий, возникших, например, в связи со спецификой взаимосвязи ленинского определения материи и ленинского учения о материи. Сформулированное в условиях борьбы с субъективным идеализмом, это определение не было ограничено набором взаимосвязанных атрибутов материи как субстанции и не акцентировало внимание на каком-то вещественном субстрате, а подчеркивало лишь необходимый атрибут для размежевания с эмпириокритическими представлениями о субстанции («субстанции опыта»).

Если вырвать ленинское положение о том, что «единственное "свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания» [6], из контекста всей книги, в которой Ленин фактически употребляет понятие материи *вместо* понятия единственной субстанции, то можно прийти к неверному заключению о том, что ленинское определение материи мало чем отличается от такового у объективных идеалистов, неореалистов, критических реалистов, «научных реалистов», а ведь именно так можно объяснить, например, специфическую

оценку Ленина как философского реалиста историком науки и советологом Л. Р. Грэхэмом [4, с. 47]. Поэтому необходимость дополнения гносеологического определения материи онтологическим, высказанная, например, В. П. Тугариновым [10, с. 102–106], имеет смысл и перспективу даже (или особенно) вне утверждения им атрибутивности сознания по отношению к материи [10, с. 121].

Этот важнейший нюанс ленинского учения о материи прямо или косвенно оказывал влияние на выстраивание авторских философских концепций, формировавшихся в дискуссиях Э. М. Чудинова и М. Н. Руткевича, Л. Б. Баженова и В. В. Орлова, Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского, и актуален до сих пор в том числе и особенно в связи с появлением новых философских теорий, например «спекулятивного реализма» или даже «спекулятивного материализма» (К. Мейясу), представляющего своей «антикорреляционистской» позицией, по сути дела, гносеологический фундамент для онтологического дуализма и окказионализма. В социальной философии с такой позицией связана ориентирующаяся на «объектно ориентированную» и «реляционную» онтологию акторно-сетевая теория (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло, Г. Харман), по-своему выражающая общую направленность «технологического поворота» в исследованиях культурной диффузии, в антропологии технологий, в институциональной экономике.

Можно предположить, что представленная эвристическая стратификация когнитивной эволюции является одним из альтернативных шагов в планомерном движении к этому «технологическому повороту». Она еще не отражает всю панораму социальной онтологии в деталях, однако позволяет задать общие контуры применения перечисленных выше метафор для моделирования логики социальных функций, институтов и процессов. При этом понятие субъекта не используется в качестве понятия субстанции, в отличие от социально-онтологической концепции В. Я. Ельмеева [5] или разнообразных социально-эпистемологических направлений. Здесь имеет место не субъект-предикатное, а ограниченное определенными обстоятельствами субъект-объектное противопоставление эвристического характера. И поскольку оно только функционально, в различных ситуациях субъектом этой *функции* действительно могут выступать труд, праксис (А. Д. Майданский), структуры способа производства (Л. Альтюссер), классовая борьба в структуре производственных отношений (Э. Балибар), «машинные желания» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари) и т. д. Субъектом *истории*, однако, несомненно, является живой человек, преследующий свои цели.

Исходя из такого понимания этих социально-онтологических аспектов когнитивно-эволюционного подхода, в качестве его перспектив в социальной философии можно назвать когнитивно-эволюционный анализ общественно-экономических формаций, их стадий и укладов, классовой структуры современного общества и форм общественного сознания.

Литература

1. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. 135 с.
2. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 43–110.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 179.
4. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. 480 с.
5. Ельмеев В. Я. Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб., 1995. С. 71.

6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 18. С. 275.
7. Лобовиков В. О. Диалектический материализм в «цифровом формате» (дискретная математическая модель логически непротиворечивого формально-аксиологического учения о противоречивости материи // Социум и власть. 2014. № 1(45). С. 127–138.
8. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб., 2003. Т. 1. 472 с.
9. Суховерхов А. В. Эволюционная теория: поиск новых парадигм // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101(07). С. 1–24.
10. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л., 1988. 344 с.
11. Тутубалин В. А. Возможность построения информационной эпистемологии на основе атрибутивной концепции информации // Восточно-Сибирский государственный технологический университет: сб. науч. тр. Сер. Общественные науки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. Вып. 9. С. 22–25.
12. Тутубалин В. А. Интеграция эпистемического пространства и когнитивно-эволюционный подход // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 14а. С. 75–79.
13. Урманцев Ю. С. Эволюционика, или Общая теория развития систем природы, общества и мышления. Пушино, 1988. 79 с.
14. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000. 332 с.
15. Чугунов А. В. Формирование виртуальной модели политической системы в условиях развития технологий информационного общества // Актуальные проблемы современной политической науки. СПб., 2003. Вып. 3. С. 137–154.
16. Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. Л., 1940. 231 с.
17. Dodig-Crnkovic G. Floridi's information ethics as macro-ethics and info-computational agent-based models // Luciano Floridi's philosophy of technology: critical reflections, philosophy of engineering and technology. Dordrecht, 2012. Vol. 8. P. 3–10.
18. Dyer-Witheford N. Cyber-Marx: Cycles and circuits of struggle in high technology capitalism. Urbana, 1999. 360 p.
19. Fredkin E. An introduction to digital philosophy // International journal of theoretical physics. 2003. Vol. 42, № 2. P. 189–247.
20. Wilber K. The eye of spirit: an integral vision for a world gone slightly mad. Boston, 1997. 414 p.
21. Wolfram S. A new kind of science [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wolframscience.com/nksonline> (дата обращения: 10.01.2017).
22. Zuse K. Calculating space. Cambridge, 1970. 94 p.

SOME SOCIO-ONTOLOGICAL ASPECTS
OF THE COGNITIVE-EVOLUTIONARY APPROACH

Vitaliy A. Tutubalin

Assistant,

East-Siberian State University of Technology and Management

40v Kluchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russia

E-mail: tutvit79@mail.ru

The article considers a number of promising directions of the cognitive-evolutionary models and metaphors application in social and philosophical knowledge, we have proposed a cybernetic model of social ontology and the related heuristic stratification of cognitive evolution. The vectors of their further detailed elaboration in the study of social and philosophical problems are indicated. We present the heuristic stratification elements of cognitive evolution as a system of interconnected categories. The metaphor of a structural model of computational process similar to ontological assumptions of “digital philosophy” (a comparison of the most important phenomena of cognitive evolution with the elements of computer systems architecture) is used as a framework of this system. Such an approach can be also applied to investigation of the internal structure of these phenomena. Socio-ontological categories are deduced as a reflection of the moments of previous cognitive evolution. Attention is also drawn to the possible negative consequences of hypostatizing these categories.

Keywords: epistemology; universal evolutionism; cognitive evolution; cybernetics; computer metaphor; digital philosophy; system approach; ontological heuristics; social ontology; turn to technology.